

ХОДАСЕВИЧ, Владислав Фелицианович [16(28).V.1886, Москва -- 14.VI.1939, Париж] -- поэт. В отличие от большинства поэтов-современников Х. вошел в литературу спокойно -- без программных деклараций, попыток заявить и обозначить новое, собственное направление либо примкнуть к одному из уже утвердившихся. Он не принадлежал ни к каким группам и школам, сторонился всяческих "измов", которыми изобиловала литературная жизнь России начала века. Его поэзия не вызвала полемики, не сразу попала в поле зрения критики, особенно в ту пору чуткой ко всякого рода "новизне". Однако последовательное стремление к классической ясности стиха, чистоте языка, точности в передаче мысли, совершенное отсутствие столь характерной для молодых литераторов боязни прослыть несовременным постепенно выделили имя Х. из потока новых поэтических имен и определили ему особое место в русской поэзии XX в.

Свое призвание Х. почувствовал очень рано и на удивление безошибочно. С детства литература стала для него самым интересным занятием, главным содержанием жизни. Первые стихи он сочинил шести лет от роду.

В 1904 г. Х. окончил гимназию и поступил -- по примеру старшего брата, Михаила Фелициановича, -- на юридический факультет Московского университета, но вскоре перешел на историко-филологический. В следующем году состоялся его дебют в печати. С этого времени Х. всецело посвятил себя поэзии, критике, истории литературы.

С 1905 по 1907 г. Х. опубликовал около двух десятков критико-библиографических заметок и пять стихотворных подборок. А в 1908 г. вышла первая книга его стихов -- "Молодость". Несколько лет спустя Х. писал об одном из молодых поэтов: "В первой его книге внимательный читатель различит следы упорного труда, желанья во что бы то ни стало подчинить себе стих, заставить слова выражать именно то, что надо" (Альциона. -- М., 1914. -- Кн. 1. -- С. 211). Это вполне приложимо и к первой, и ко второй (Счастливый домик. -- М., 1914) книгам самого Х. Обе их поэт считал юношескими, стихов из них в более поздних изданиях не помещая, -- не придавая никакого значения тому, что эти книги -- особенно вторая -- были сочувственно встречены и читателями, и критикой. Пушкинское: "Ты сам свой высший суд", -- изначально было для Х. нормой творческого поведения.

Не знаящая поблажек строгость к себе, к собственной поэтической работе давала Х. моральное право в критике быть беспощадно требовательным ко всякому, кто имеет смелость и честь работать в литературе, давшей миру Пушкина и Державина, Толстого и Достоевского. Авторитет Х.-критика рос стремительно -- и к середине 10 гг. с его мнением всерьез считались В. Брюсов и Ф. Сологуб, Андрей Белый и А. Блок, Вяч. Иванов и Н. Гумилев, не говоря о поэтах немногим младше Х., но относившихся как бы к следующему литературному поколению.

В 1914 г. появилась первая работа Х. о Пушкине ("Первый шаг Пушкина" (1814 -- 4-го июля -- 1914) // Русские ведомости. -- 4.VII), положившая начало почти четвертьвековой Пушкиниане Х., завершившейся книгой "О Пушкине" (Берлин, 1937). С некоторой долей условности здесь можно выделить три направления: биографическое ("Аглая Давыдова и ее дочери", 1935; "Дуэльные истории", 1937, и др.), текстологическое ("Петербургские повести Пушкина", 1915; "Русалка". Предположения и факты", 1924, и др.) и статьи-толкования, где Х. выступает как пристальный, "медленный" читатель Пушкина, раскрывающий смысл и содержание той или иной поэтической мысли в контексте всего пушкинского творчества ("О чтении Пушкина", 1924; "Глуповатость поэзии", 1927, и др.). Отзвуком сорокалетней давности речей Тургенева и Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве (1880) прозвучало на Пушкинских днях 1921 г. в Петербурге -- вместе с поэтическим завещанием Блока "О назначении поэта" -- выступление Х. "Колеблемый треножник". "Как мы, так и наши потомки, -- говорил он, -- не перестанут ходить по земле, унаследованной от Пушкина, потому что с нее нам уйти некуда... Отодвинутый в "дым столетий", Пушкин восстанет там гигантским образом. Национальная гордость им выльется в несокрушимые, медные формы..." (Пушкин. Достоевский. -- Пб., 1921. -- С. 44).

Публикации в периодике, многочисленные публичные выступления Х. во второй половине 10 гг. подготовили эффект, вызванный появлением в 1920 г. третьей книги его стихов -- "Путем зерна". Эта совсем тоненькая с виду книжка (всего 35 стихотворений) оказалась в глазах публики "томов премногих тяжелей", разом выдвинула автора в ряд наиболее значительных поэтов своего времени. Если прежде почти неизменно отмечалась некоторая "холодность" стиха Х., то теперь отношение к его поэзии можно было бы выразить словами самого Х., сказанными некогда о Гумилеве: "Он уже не холоден, но лишь сдержан, и под этой сдержанностью угадывается крепкий поэтический темперамент" (Альциона. -- М., 1914. -- Кн. 1. -- С. 205). Глубокое созвучие этих прозрачных и чеканных стихов с трагическими событиями эпохи никого не оставило равнодушным. "И ты, моя страна, и ты, ее народ, / Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, -- / Затем, что мудрость нам единая дана: / Всему живущему идти путем зерна" (Собрание стихов. -- Париж, 1927. -- С. 9), -- писал Х. в заглавном стихотворении книги, датированном 1917 г. И словно эхо пушкинского "упоения <...> бездны мрачной на краю", возникает под